

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СЮЖЕТА «ТЯНУЩИХ НЕВОД» ЭСХИЛА

Сатировские драмы Эсхила дошли до нас лишь во фрагментах. Наиболее полно сохранилась драма «Тянущие невод». В 1941 г. Э. Лобель опубликовал самый большой фрагмент этой драмы в XVIII томе оксиринхских папирусов (№ 2161).

Фрагмент сохранился в двух колонках по 34 стиха каждая. У второго стиха второй колонки имеется стихометрическая отметка — 800. Левый край первой колонки оторван, и 14 из 33 ее стихов не дают связного текста. Текст второй колонки, за исключением первых пяти стихов, сохранился хорошо, потребовав лишь нескольких конъектур.¹

По всей вероятности, фрагмент относится к концу драмы. Он завершается 832-м стихом; если учесть, что единственная целиком дошедшая сатировская драма — «Киклоп» Еврипида — содержит 709 стихов, то объем «Тянущих невод» более чем достаточен, и последние стихи фрагмента могут являться финалом. Рассмотрим этот фрагмент последовательно, по небольшим законченным отрывкам, монологам различных персонажей.

Первая колонка начинается монологом некоего лица, которое, призвав в свидетели богов, обещает защиту и помощь Данае (ст. 765—772). Вспомнив версию мифа, рассказанную Ферекидом, нетрудно понять, в чьих устах звучит это заверение — по мнению большинства исследователей, помощь предлагает Диктис.² В своем монологе он не обнаруживает никаких иных намерений, как только стать покровителем молодой женщины, обещающая почитать Данаю *μαῖαν ὡς γεραιήν* — как почтенную матушку (770).

Ст. 773—785 произносит Даная. Ее монолог не является прямым ответом на слова Диктиса. По форме и содержанию это — молитва, в которой Даная заранее благодарит богов за то, что те не отдадут ее «этим чудищам» (т. е. сатирам), не позволят оскорбить ее и т. д., а также просит у Зевса защиты от новых преследований со стороны отца.

Первая колонка фрагмента заканчивается небольшим, очень плохо сохранившимся «лирическим интермеццо» Силена с маленьким Персеем (786—798). Папа Силен с удовольствием нянчится с ребенком и очень рад тому, что Персей улыбается, глядя на его тучную фигуру и плешивую голову. Этот кусочек сохранил нам несколько деталей, типичных при описании Силена.

В тексте второй колонки фрагмента есть два места, допускающие различное понимание содержания в зависимости от того,

какое лицо произносит эти слова: Силен, Диктис или Полидект (ст. 799—800 и 810—811).

Вероятно, Эсхил следовал той же мифологической традиции, что и его современник Ферекид (а позже Аполлодор); согласно этой традиции, Полидект влюбляется в Данаю гораздо позднее, когда Персей становится уже взрослым юношей. (Все это время они жили в доме Диктиса). Персей защищает мать от попыток Полидекта принудить ее к браку, и тот, чтобы избавиться от юноши, отправляет его за головой Горгоны Медузы. Поскольку «Тянущие невод» входили в состав связной тетралогии на тему о Персее, именно эти события, вероятно, и составляли содержание трагедий. В тексте же фрагментов сатировской драмы нет имени Полидекта; несомненным участником действия является Диктис, и нет необходимости предполагать, что действующим лицом был также и Полидект.

Рассмотрим ст. 799—800:

εἰ μὴ σε χαίρω π[ρὸ]λοιο Δίκτις, 'Если я тебе не рад...| да погибнег Диктис!'

Если эти слова произносит Диктис, восклицание *πρὸλοιο Δίκτις* следует понимать как *πρὸλοιοι Δίκτις* — «Да погибну я, Диктис!» Именно так интерпретирует отрывок В. Н. Ярхо.³ Если следовать указанному толкованию, Диктис говорит о себе в 3-м лице, называя себя по имени. Персонаж, действительно, может говорить о себе в 3-м лице, но в таких случаях обычнее имя существительное или указательное местоимение (так, произносящий ст. 811—812 Диктис или Силен называет себя соответственно «отец» или «дедушка»). У Эсхила нет случаев, где бы вместо 1-го лица стояло имя собственное; примеры тому находят в трагедии Софокла:⁴ εἰ δὲ τι πρᾶν βύτερον ἔφυ κακὸν|κακόν, τοῦτ' ἔλαχ' Οἰδίπους (Шарп Эдип, 1366) 'Если возможна наивысшая беда — она постигла Эдипа' τοῦθ' ὄρνυ Αἴας τοῦπος ὅστανον θροῶν (Аякс, 864). 'Это Аякс произносит вам последнее слово'.

Однако, употребление имени собственного вместо 1-го лица в этих примерах, на наш взгляд, отличается от того, которое встретилось во фрагменте: они разнородны и стилистически и синтаксически. А именно торжественный стиль повествовательных предложений Софокла дает герою возможность назвать себя по имени; этим он придает еще большую значительность своему монологу. В речи же эмоциональной, какой является клятва, говорить о себе подобным образом в оптативном предложении кажется странным.

Однако, не считая изложенные соображения достаточными для того, чтобы отказаться от толкования Э. Лобеля, В. Стеффена и В. Н. Ярхо, остановимся на другом, также вызывающем различные интерпретации месте с тем, чтобы далее, соотнеся оба места и имея связный текст, рассмотреть предлагаемые варианты сюжетной реконструкции. Ст. 810—811: κοιμήσῃ δὲ τρίτος

ξόν|μητρί [καὶ πατρί τῷδε 'Ты будешь спать третьим с матерью и вот этим отцом'. (Слова эти обращены к малютке Персею.)

Большинство исследователей считает, что *πατρί τῷδε* = *ἐροί* так называет себя Диктис, имея в виду «со мной, твоим отцом». Представим себе развитие сюжета при указанном чтении обоих мест, приняв, что текст произносит Диктис.

Согласно В. Стеффену,⁵ Диктис в ответ на опасения Данаи успокаивает ее и заверяет в своей поддержке («Если я тебе не рад... да погибну я, Диктис!»). Затем он подзывает и в нежных выражениях утешает плачущего младенца, обещая, что тот будет сидеть на его заботливых руках, играть с разными зверушками и спать в одной постели с мамой и с ним, Диктисом, который станет его отцом. (Стеффен видит в этих последних словах намек на близкую или желаемую свадьбу Данаи с Диктисом.) А «папаша» *πάπας*, т. е. Силен, станет забавлять Персея и т. д. (ст. 810—813). В. Стеффен считает, что, успокоив мальчика и завоевав его расположение, Диктис, таким образом, нашел путь к сердцу матери. В ст. 821—832 он обращается ко всей компании, присутствующей на сцене, с предложением безотлагательно отпраздновать свадьбу. Пьеса заканчивается брачной процессией в честь Диктиса и Данаи.

В. Н. Ярхо отвергает возможность такого финала, указывая на отсутствие традиции о бракосочетании Диктиса и Данаи. Кроме того, заключительные анапесты звучали бы в устах Диктиса слишком фривольно. Признавая Диктиса участником сцены, В. Н. Ярхо отказывается от буквального понимания его слов и предлагает другое толкование отрывка: он находит естественным, что Диктис, успокаивая Персея, называет себя его отцом: «...единственная форма „бытового уклада“, которую может представить себе четырехлетний ребенок (ср. Ферекид, фр. 10: Акрисий обнаружил существование Персея, когда мальчику было три или четыре года), — это, конечно, жить под одной крышей с отцом и матерью. Но также естественно, что сатиры понимают слова Диктиса по-своему: они несколько не сомневаются, что Диктис, действительно, станет мужем Данаи».⁶ Заключительные анапесты исполняет корифей хора, но этот «свадебный гимн» никак не может внушить афинянам подозрений относительно намерений Диктиса.

Заметим, однако, что если маленький Персей и способен понять какую-либо форму «бытового уклада», ведь у него никогда не было отца, то и в этом случае у Диктиса нет необходимости так конкретизировать перед мальчиком отношения между отцом и матерью. Если это произносит Диктис, то выражается он явно неудачно. Вместо того, чтобы сказать: «Ты будешь жить под одной крышей с отцом и матерью», «О тебе будут заботиться отец и мать» или т. п., он выбирает для примера как раз ту ситуацию, на которую не рассчитывает. Персею безразлично, каков будет пример, но как должна отреагировать на это не-

двусмысленное выражение все еще очень настороженная женщина? Поэтому толкование В. Н. Ярхо представляется нам недостаточно убедительным.

Е. Зигман, М. Верре де Хаас и Г.-И. Метте считают эти слова принадлежащими Силену и предлагают иную интерпретацию ст. 799—800: «Если я тебе не рад ... пусть погибнет Диктис!» В этой клятве Силена содержится комический элемент. Вместо ожидаемого: «да пропасть мне на этом месте», или «пусть погибнет мой отец» (ср.: Еврипид, Киклоп, 271—272; «мои дети» — ср. Киклоп 300—303) предполагается гибель постороннего лица. Это уместно в устах комического персонажа, каким является Силен. Слова клятвы адресованы Данае; далее, обращаясь к Персею, Силен считает себя кандидатом в ее мужа. Подобный брак невозможен, поэтому за свадебным хором должна была бы последовать сцена разоблачения, где Диктис вновь избавлял бы Данаю от посягательств (что и предлагает Е. Зигман⁷), и обычно краткая сатировская драма, таким образом, затянулась бы, перевалив за 800 стихов и все не приходя к развязке. В этой интерпретации странным кажется и намерение Силена жениться (речь идет именно о свадьбе); а главное в ст. 810—813: *κοιμήσῃς δὲ τρίτος ἐν ἡμετέροις [καὶ πατρὶ τῷδε. ὁ παῖς δὲ] παρ' ἐμοῦ τῷ μικρῷ [τῷ] γελῶν [α]* 'Будешь спать третьим с матерью и этим отцом, «папаша» же станет забавлять малыша' — слова *πατὴρ* и *παῖς* вряд ли могут относиться к одному и тому же лицу.

Более вероятной представляется нам следующая ситуация: Диктис, защитив Данаю от любово-страстных сатиров, обещает ей свою поддержку и участие. Данае считает не лишним воззвать и к помощи богов, упомянув о пережитых и возможных несчастьях и об ответственности Зевса за ее судьбу. Сатиры отступают перед Диктисом, считая его более сильным претендентом на любовь Данаи, и начинают безобидную игру с младенцем; папа Силен, воспитатель Диониса, приступает к привычным для него обязанностям няньки. Дальнейшие стихи, вплоть до финальных анапестов хора, принадлежат Силену: развлекаая мальчика, он зовет себя «папашей» и представляет ему Диктиса как будущего отца; почтительное покровительство Диктиса Данае расценивается сатирами как намерение вступить в брак. (Мотив мнимого брака-убежища известен греческой литературе: ср. «Электра» Еврипида.) Покидая площадку, хор затягивает свадебный гимн и, таким образом, разрешается веселое недоразумение.

Примечания

¹ Цит. по: Mette H. I. Die Fragmente der Tragödien des Aischylos. Berlin, 1959, S. 174—176.

² См.: Ярхо В. Н. О папирусных фрагментах сатировских драм Эсхила. — Вестн. древней истории, 1959, № 4, с. 134.

³ Там же, с. 136.

⁴ См.: Werre de Haas M. Aeschylus' Dictyulci. An attempt of reconstruction of a satyric drama. Lugdunum Batavorum (Leiden), 1961, p. 59—60.

⁵ Steffen V. The Net-Haulers of Aeschylus. — The Journal of Juristic Papyrology, 1949, vol. III, p. 119—136.

⁶ Ярхо В. Н. О папирусных фрагментах сатировских драм Эсхила, с. 137.

⁷ Siegmann E. Die neuen Aischylos-Bruchstücke. — "Philologus", 1948, Bd. 97, S. 71—124.

Н. А. ЧИСТЯКОВА

ЭПИГРАММАТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЭСХИЛА (AP VII 255)

Славу Эсхилу в веках упрочила его деятельность драматурга, выдающегося мастера трагического искусства. Для современников Эсхил был разносторонним и плодовитым поэтом, помимо драм они знали его элегии, а в собрании греческих эпиграмм под его именем сохранились две эпиграммы (AP, VII, 255 и X, 110). Первая из них является предметом исследования в данной работе, тогда как вторая либо восходит к Аристофану (Ranae, 1431 ff.), либо принадлежит к апокрифическим апофтегматам самого Эсхила, не являясь эпиграммой в прямом смысле этого слова.

Эпитафия фессалийцам под именем Эсхила представлена в Палатинской антологии, куда она попала из «Венка» (собрания эпиграмм) Мелеагра (I в. до н. э.), а судя по ее окружению, эллинистический поэт и коллекционер мог переписать ее из неизвестного нам более раннего сборника. Включил ее в свою антологию также Максим Плануд, ученый византиец и тонкий ценитель греческой поэзии в конце XIII в. Обстоятельства возникновения этого надгробного стихотворения неизвестны; ясно только, что оно предназначалось для полиандрии, т. е. группового воинского погребения, и было посвящено фессалийцам, погибшим в борьбе за свободу родины. Авторство Эсхила может быть установлено только гипотетически, так как вплоть до IV в. эпиграмматическая поэзия была анонимной. Она более трех веков не находила для себя места среди известных видов поэтического творчества, еще дольше не оформлялась жанром и стала авторской только тогда, когда отделилась от памятника и начала восприниматься как самостоятельное поэтическое произведение.

В первой половине V в. авторских эпиграмм не существовало. Поэтому нам придется либо, следуя за У. Виламовицем, пренебречь многовековой традицией, отвергая данные атрибуции и хронологии,¹ либо, доверяя ей, искать возможности обос-